

ГУМАНИТАРНОСТЬ ПРОТИВ ГУМАНИЗМА

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

XX век расплатился по вексям века XIX и, похоже, расплатился сполна. К началу нашего столетия оформился новый сдвиг гуманитарной парадигмы, потребность в котором вызревала по мере того как, с одной стороны, критика постмодерна с традиционных и сциентистских представлений, все более явно обнаруживала свое теоретическое бессилие, а с другой – не менее явным становился переходный характер самого постмодерна. Результатом деконструктивизма стала культура означающих без означаемого. Критика логоцентризма обернулась его приумножением и факторизацией, логомахией, самодостаточностью отсылающих друг к другу означающих – апофеозом грамматоцентризма. Выявился шок гуманитарной интеллигенции перед новой цивилизацией, требующий изменений в духовном опыте, мировоззрении, метафизике, нравственности, художественной, научной, политической практике. Постмодернизм прошел первую стадию в динамике смыслообразования – острание (деконструкция, демонтаж) привычного. Но необходим следующий шаг – новая конструктивная работа с остранными смыслами.

В истории философии уже неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума: античная софистика, средневековая схоластика, Просвещение осуществляли активный поиск, когда парадоксы, дистинкции и прочие симулякры приобретали большую реальность, чем сама реальность. И всегда такой поиск предвещал качественный рывок, прорыв человеческого опыта к новой целостности бытия. Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма, новой гомодицеи.

Что такое гуманитарность сегодня? Какова система ее ориентиров? Что определяет ее содержание, направленность?

Содержание гуманитарности

Проблема усугубляется спецификой гуманитарного знания. Насколько вообще совместимы понятия гуманитар-

ности и знания? Неспроста в английском языке отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие *humanities* – широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта. Результатам этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании). Этой сфере, с ее смысловой неоднозначностью, противостоит наука, *science*, под которой понимается деятельность, связанная с получением знания в результате расчета и эксперимента, т.е. преимущественно – естествознание и математизированные науки.

В содержании гуманитарности можно проследить несколько слоев (уровней), с каждым из которых связаны соответствующие виды гуманитарной экспертизы¹:

(I) *«Социологический»* (собственно социологический + политэкономический + экономико-географический) уровень знаний о социальной, политической, экономической, отчасти – природной среде, обеспечивающей сохранение и развитие общества. Речь в данном случае идет о внешнем слое (уровне) *инфраструктуры* культур – среды, условий (гарантий) существования и развития конкретных культур: от кормящего ландшафта и экономики до политического менеджмента и права. Поэтому экономикоцентризм, политикоцентризм чреваты серьезными, если не катастрофическими издержками. Последние российские реформы – убедительный тому пример. Экономика, политика суть инфраструктура, обеспечивающая выживание и развитие конкретных социальных культур как внегенетических систем порождения, сохранения и трансляции социального опыта.

(II) *«Культурологический»* уровень – не менее опасен «культурологическим». Можно только приветствовать попытки типа разработки «Декларации прав культуры», ини-

¹ См.: Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003, а также: *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001.

цированной в середине 1990-х академиком Д.С. Лихачевым. Каждый народ и каждый этнос должен иметь право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. В современном мире развитие культур предполагает их сосуществование, вынуждает к этому. Следует подчеркнуть фундаментальную, определяющую роль культурной идентичности, консолидирующей общество по отношению к реализации природных, экономических, политических и прочих ресурсов. Однако не следует и забывать, что самодостаточность отдельных культур очень часто оборачивается в лучшем случае — изоляционизмом, а чаще нетерпимостью к иным культурам и их носителям, а то и шовинизмом. И хорошо известно, что национализм чаще всего выпестовывается в среде гуманитарной интеллигенции. Особенность современной ситуации в том, что если раньше развитие культур и этносов было возможно за счет миграций целых народов, экспансии, поглощения, а то и уничтожения иных культур посредством войн, этнических чисток, геноцида и т.д., то современность поставила границы такой практике. В современном, очень «тесном» мире развитие культур предполагает их сосуществование, вынуждает к этому. Однако не следует забывать, что сами эти культуры — суть лишь инфраструктуры, обеспечивающие формирование и развитие (социализацию и индивидуализацию) конкретных типов личности.

(III) *«Антропологический»* уровень — рассмотрение условий существования человека как психосоматической целостности. Этому уровню характерна менее очевидная, а значит — нетривиальная и важная ограниченность «человекоцентризма». Человек — это не всегда хорошо и не всегда самоценно. Это убедительно показал XX век. О вине «гуманистических идеалов» в великой крови XX века писал В. Шаламов. Собственно, именно об этом еще ранее была написана «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Лозунгом «Все во имя человека, все для блага человека!» могут оправдываться самые страшные злодеяния и самозванство — делание других счастливыми помимо и вопреки их воле. Кроме того, современные телесные практики в на-

уке, медицине, искусстве, игра с телом в обыденном опыте открывают несущественность антропоморфности.

(IV) Еще глубже *«персонологический»* подход — выявление форм, условий и гарантий формирования, развития и сосуществования личностей, в том числе — носителей различных идентичностей, их самореализации, творчества. Человек, как конечное существо, обречен на постижение бесконечного мира только с какой-то позиции, «в каком-то смысле». Поэтому смыслообразование персонологично, является результатом глубоко личностного опыта. Но персоноцентризм также ограничен, чреват эгоцентрическим индивидуализмом. Сама личность — как психосоматическая целостность — тоже оказывается лишь инфраструктурой — свободы и ответственности.

(V) Наконец, самый глубокий *«метафизический»* уровень *«проявления свободы»* как бытия в возможности. Свобода — «дыра в бытии», как называл ее Ж.-П. Сартр — оказывается центрообразующим фактором, на который наслаиваются различные слои гуманитарного знания. Подобно ступице в колесе, без которой невозможно движение колеса, система гуманитарности формируется вокруг свободы как источника открытия новой реальности. Игнорирование этого уровня обесмысливает все остальные. Более того, ограничение одним или только несколькими другими уровнями, без рассмотрения условий и гарантий реализации свободы не только несостоятельна, но и опасна. За человеком — существом, в общем-то, амбивалентным, надо видеть главное, носителем чего он выступает — свободу. И покушение на свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие, ничтожит его.

Абсолютизация каждого из отмеченных слоев чревата серьезными проблемами. Поэтому различные «центризмы» (социоцентризм, экономикоцентризм, культуроцентризм и т.п., даже — логоцентризм) оказываются недостаточными и несостоятельными в раскрытии смысла гуманитарности, в центре которой оказывается свобода, последовательными инфраструктурами проявления которой выступают остальные уровни. Свобода — не только исходный импульс, но и критерий и гарант осуществления этого смысла в социальном событии.

Единственный пока носитель свободы — личность, существо, наделенное способностью к трансцендированию в иное. Проявлением этой способности и является сознание, разум, все то, что связывается с интеллектуальной, духовной деятельностью. Не случайно по-немецки гуманитарные науки называются *die Geisteswissenschaften* — науки о духе.

Новый сдвиг гуманитарной парадигмы

Ситуацию, на первый взгляд, обостряет и усугубляет опыт постмодернизма, согласно которому люди не имеют доступа к реальности и истине, а их сознание определяется языком и, значит, теми, кто имеет власть формировать язык. К концу столетия стало очевидно, что постмодернизм — в своем постструктуралистском выражении и деконструктивистской методологии — пришел в тупик неменяемости мысли, ее выражения и реализации. Стали ясными как переходный характер деконструктивизма и постмодерна в целом, так и осознание необходимости нового сдвига гуманитарной парадигмы, который стал бы, одновременно, развитием и преодолением деконструктивизма.

Такой сдвиг должен отвечать нескольким требованиям: не отрицать, а обобщать опыт постмодерна, критики логоцентризма; быть по-настоящему междисциплинарным; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив; делать акцент не столько на структурности, сколько на динамике осмысления и порождения новых смыслов; и в этой связи — опираться на принципиальный учет роли и значения личности — главного, если не единственного источника этой динамики.

В этой связи показательна главная тенденция философствования последних двух столетий: от онтологии к гносеологии и далее через аксиологию и культурологию к персонологии. Два основных ответа на вопрос о природе бытия (идеализм и реализм) на «онтологической» стадии философии, по сути дела, есть два объяснения двойственной природы человеческого бытия, делающие акцент либо на духовной, либо на телесной его стороне. «Гносеологическая» стадия, разводящая субъект и объект, делает акцент на их соотношении, с неизбежностью выводя (с осознанием про-

блемы трансцендентального субъекта) на первый план проблему свободы и личности. «Аксиологический» этап — от феноменологии к экзистенциализму и одновременно — к герменевтике, нормативно-ценностной культурологии и постструктурализму — выражает стадии созревания уже собственно персонологической доминанты. Философия на пороге нового столетия и тысячелетия раскрывается преимущественно как персонология, вбирающая в себя как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику.

Философия личности прошла сложный путь: трансцендентальный субъект (Р. Декарт), его схематизм (И. Кант, В. Фихте), интенциональность сознания и символические формы бытия (Э. Кассирер, Э. Гуссерль), сознание как оплотняющий диалог с Другим, в том числе — бессознательным (М. Бубер, М. Бахтин, Э. Левинас, фрейдизм), человек как совокупность общественных отношений (марксизм), как «человек и его обстоятельства» (Х. Ортега-и-Гассет), как символическое тело (постструктурализм). К концу XX века человек оказался перенасыщенным, перегруженным качествами. Похоже, что его надо вновь «почистить» — в плане перехода от структурных описаний к выявлению механизма динамики свободы от трансцендентального к социальному.

Значение постмодернизма прежде всего и именно в создании предпосылок новой постановки проблемы свободы и ответственности. Он зафиксировал момент ухода конуса свободы и ответственности за границы психосоматической целостности индивида, а деконструкционизм как деперсонологизм оказывается предпосылкой новой персонологии и метафизики нравственности. Во вновь расширяющемся в запредельное конусе свободы и ответственности их субстанция становится виртуальной, а идентификация, определение границ личности — труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике. *Я* превращается в точку сборки, немонотонную волновую свободы и ответственности, странником в стихиях модального бытия. XX век принес осознание того, что главное не борьба за свободу и даже не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести.

К началу XXI столетия сложились предпосылки для парадигмального сдвига, ключевыми моментами которого являются новый синтез духовного опыта; расширенные представления о рациональности; смещение акцента с описания сущего и преобразовательного активизма к осмыслению как порождению новых возможностей, сценариев реальности и поведения; динамизм — как смещение акцента со структурно-статичного на процессуальность изменения; переход к глубоким многомерным моделям; персонализм — как неизбежность личностного начала — источника, средства и результата динамики осмысления и смыслообразования. И не так уж важно — как назвать этот синтез: постчеловеческая персонология, синергетика, семиодинамика или глубокая семиотика. Имя будет найдено. Новые аттракторы уже действуют.

Кризис гуманизма: гуманитарность *contr* гуманизм?

В наши дни часто звучат слова о дегуманизации современного общества. Но что конкретно выражает эта пафосная формулировка? Означает ли она, что раньше общество было «гуманизировано», а нынешнее — нет? Вообще-то все общественные обустройства, так или иначе, но апеллируют к человеку, обеспечению оптимальности социального бытия.

И что такое — дегуманизация? Расчеловечивание? Утрата человечности? В чем и где эта дегуманизация проявляется? В росте насилия — в том числе со стороны власти? В технологическом рассмотрении человека как средства в политике, в менеджменте, даже в медицине — как поставщика запасных частей, в искусстве? И тут вопрос спорен. Достаточно хотя бы напомнить достижения в охране окружающей среды, в медицине, степень комфорта жизни и условий труда, достигнутых современной цивилизацией. Да и возможна ли дегуманизация в принципе, если все ее проявления — дело рук человеческих, воплощение его идей, потребностей, чаяний?

Главная проблема не в дегуманизации, а в самом человеке. И наше время, действительно, ставит эту проблему чрезвычайно остро. Сам человек стал проблематичен, нуждается в некоей гомодицее.

Человек есть человек в полном смысле слова тогда и только тогда, когда он является личностью, носителем сознания и самосознания. Именно самосознание — наиболее важное проявление человеческой сущности. Речь идет о свободе, носителем которой является субъект самосознания. Человеческая сущность и есть свобода, вечно ждущая за порогом человеческой определенности мира. Самосознание «Я» внеприродно и внефизично именно потому, что оно есть чувствилище свободы.

В этой связи мы оказываемся перед проблемой духовности, которая отнюдь не сводится к вопросам конфессиональным вроде соотношения традиционного православия и новых форм религиозности.

Где и когда личность? Где и когда Я? К концу XX столетия эти вопросы звучат весьма нетривиально.

Ответом на вопрос, «чье» сознание может быть указание какого-то пункта духовного целого, относительно места, позиции личности в мире. В этом плане человек вторичен от своей позиции, «доли», от своей включенности в мир. Не личность формирует ответственность, а наоборот — ответственность и (как следствие — свобода) формирует и оформляет личность. Границы личности историчны, задаются свободой и ответственностью.

Поэтому они зависят, прежде всего, от особенностей культуры, которой принадлежит личность, и которая собственно и определяет границы личности. Можно говорить об общеисторической тенденции «привязывания» границ поступка и ответственности за него к границам индивидуальной личности, о постепенном сужении этих границ — как правовых, так и нравственных. Человек проделал путь от целостности мифа, сливающего человека в неразличимый синтез с природой, обществом, к этносу, роду, классу и, наконец — к личности. От безличного человека к индивидуальной личности. В настоящее время в цивилизованном обществе нравственно-правовые границы личности как субъекта поступка и ответственности за него, практически совпадают с границами биологическими — психосоматической целостности индивида, буквально — с кожно-волосным покровом тела.

Однако даже эти границы подвижны, зависят от возраста и психического здоровья личности. Несовершеннолетний (а в каждой культуре свои правовые границы совершеннолетия) или психически больной (невменяемый) человек в эти границы не попадает, так как не отвечает за свои действия в силу недостаточности интеллектуального и нравственного развития или в силу болезненного состояния. За этими границами человек не является личностью, так как невменяем (ребенок, маразматик, психический больной и т.п.). Тем самым очевидна историческая тенденция сужения границ *Я*, границ личности вменяемого, свободного и ответственного субъекта от племени, общины, рода до психосоматической целостности индивида и к определенным этапам его жизненного пути (например, от 18 лет до наступления старческого маразма).

Более того, эта тенденция сужения границ вменяемости и личности может быть продолжена в плане сужения границ человеческого *Я*. Процесс сужения границ ответственности (а значит, и личности) может пойти дальше, вглубь? Нынешние успехи медицины и технологии, возможности протезирования, трансплантации органов, косметические операции, операции по смене пола делают реальным отношение к телу как своеобразному костюму, скафандру, которые личность при желании и возможностях может менять. Современная геновая инженерия (одно клонирование чего стоит!), успехи медицины не просто породили биоэтику, но создают совершенно немыслимые ранее нравственные, правовые и религиозные казусы. Психологи и даже педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Небывалой (до политических столкновений) остроты достиг вопрос об абортах, трактуемых не как прерывание физиологического процесса — беременности, а как человекоубийство в полном смысле слова со всеми вытекающими нравственными и правовыми последствиями.

Границы свободы и ответственности в наши дни утрачивают четкость Нового и новейшего времени. Границы свободы в XIX — XX веках есть границы собственности (доля, кусок, объем). *Я* становится «точкой ответственности» в стихиях, стоящих за видимым миром, «странником» по этим

стихиям, «точкой сборки» самосознающего Я, которое не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань.

Свобода и свобода воли – синергетический результат формирования и развития личности (синергетического результата развития культуры), реализует возможность прорыва, трансцендирования в иное, потенцирования реальности². Вне человека, точнее – вне человеческой личности, обладающей сознанием, свободы нет. XX век принес осознание того, что главное не борьба за свободу и даже не достижение свободы, а переживание свободы, способность ее вынести. Это переживание может быть бегством от свободы, уходом в невменяемость. Может оно обернуться и свободой воли как волей к неволе. Может обернуться и прямым произволом, насилием над природой, обществом, другим человеком. Но может открыть гармонию мира, меру и глубину ответственности за нее.

Перспективы постчеловечности

Великий гуманистический проект Возрождения и рационализма Просвещения, превративший человека в самоцель и высшую ценность, на наших глазах приобретает новые краски. Буквальной реализацией этого проекта с его лозунгами «Человек есть мера всех вещей», «Все во имя человека, все на благо человека» стала культура массового общества массового потребления. Удовлетворению подлежит любая выраженная, артикулированная потребность. Серьезной заслугой постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, а также самодостаточности творчества. Раскультуривание современной культуры, перенасыщенной культурой, в которой сама культура становится предметом игрового манипулирования, развенчивает амбиции культуроцентризма. Тем самым обесмысливается и творчество. И то и другое, ставящееся во главу угла, – обесмысливается, не находят основания в самом себе. И не найдут никогда, потому что смысл, как это очевидно ясно, задается контекстом. Но в тупик ведет и самоценность человека. Поэтому так называемое *расчелове-*

² См.: Эшттейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.

чивание современной культуры и цивилизации, так пугающее иных записных гуманистов, в высшей степени плодотворно. Современная культура расчеловечивает, открывая важность пост-человечности³, позволяя за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Тенденции развития правовой и нравственной культуры подтверждают сказанное. Еще в начале XX столетия право было озабочено соблюдением норм социальной жизни в экономической, политической сферах преимущественно. Нарушение прав национально-этнического плана не становилось вопросом правовой экспертизы. Например, армянский геноцид так и не стал в свое время предметом правовой оценки. Но уже Холокост расценивался Нюрнбергским процессом как преступление против человечности. В 1993 г. решением Совета Безопасности ООН был создан Гаагский трибунал по преступлениям в бывшей Югославии, а в 1994 — трибунал по преступлениям, совершенным во время гражданской войны в Руанде. В 1998 — принято решение о создании Постоянного международного уголовного суда по военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноцида. Более того, международное сообщество вернулось к правовой оценке армянского геноцида начала XX в. В Польше прошла острая национальная дискуссия по оценке активного участия польского населения в уничтожении евреев на территории Польши в годы гитлеровской оккупации. Дискуссия завершилась публичным принесением президентом Квасневским покаяния от имени польского народа.

В мировой правовой системе произошел сдвиг, может быть — самый значительный за всю историю. Суть этого сдвига в том, что неотъемлемые права человека приобретают наднациональную юридическую значимость. Речь идет именно о, похоже, необратимой динамике. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры. Повсеместно активизировались правозащитные движения, все бо-

³См.: *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.

лее гуманными становятся законодательства и пенитенциарная система. Яркий пример тому – запреты или моратории на применение смертной казни. То есть право закрепилось уже и на уровне гарантий существования отдельной личности.

Тем не менее, похоже, назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности. Речь идет отнюдь не только о гарантиях свободы вероисповедания и прочей культурной идентичности. Это гарантии предыдущих уровней. Речь идет о свободе доличностного уровня. Яркий пример – упоминавшиеся проблемы аборт и использования генной инженерии, клонирования и т.п. Все они связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей возможности личности. Поскольку право, закон – формализованная часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности, фиксируя в «сухом остатке» закрепляемые нормы социальной жизни, то общая динамика гуманитарной культуры за последнюю сотню лет становится тем более очевидной.

Похоже, настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности⁴. Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. Перспектива – постчеловеческая персонология. И если гуманитаристика – наука, то это *Geistwissenschaften*. В буквальном смысле.

Одно соображение, представляющееся важным. Проявления духовного универсальны и едины – в силу своей постчеловечности. В этой перспективе несколько неожиданно открывается возможность гуманитарных наук. Условием *science* является единство природы, дающее основание универсальности открываемых научных законов. Возможность гуманитарного знания основано на единстве и универсальности духа. Так, например, все люди, как личности, являются носителями трансцендентального субъек-

⁴ См.: Науки о человеке в современном мире. Часть 1. Философский век. Т. 21. СПб., 2002. С.129 – 135.

та. Другой разговор, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, впрочем, и в science единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т.д.

Постижение человеком мира – попытки конечного существа понять бесконечное. Поэтому гуманитарность неизбежна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры и т.д. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. А это, в свою очередь, возможно, только при условии признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации.

Свобода – инорациональность ответственности в гармоничном целом мира. Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.

ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ТИПОВОМУ ПОВЕДЕНИЮ*

С.С. ГУСЕВ

Традиционно считается, что гуманитарные науки связаны с изучением духовного мира человека, так называемой субъективной реальности, которая существенно определяет внешние формы взаимодействия людей с окружающим их миром. Такой взгляд сформировался в результате кризисной ситуации, возникшей в классической науке на рубеже XIX и XX веков. Попытки ее представителей рассматривать отношение людей с окружающей средой исключи-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Научная идея: выражение и восприятие», грант № 06-03-90306а/Б.